★ ★ ★

По берегам Днепра и Иртыша,
В предгорьях Анд и среди скал Кавказа —
Да славит Бога всякая душа
Струеньем струн и гранями алмаза,
Слезой, в мольбе скользнувшей по щеке,
И словом, обретающим реченье
На каждом человечьем языке, —

Во имя своего предназначенья;
Да славят Бога искренность и стыд,
И стон любви, и первый крик младенца,
Пот пахаря и труд кариатид,
И медный Пётр, и бронзовый Риенцо;
Таежной братьи дружеский костер
Под музыку последнего союза —
И вечностью овеянный костел,
И танец просветленного индуса,
И рыбака увесистая сеть,
Когда к финалу близок пыл путины,
И в космос устремленная мечеть —
Михрабы, минареты, муэдзины;
И гулкое терпенье синагог,
И манускрипты в Матенадаране —
Сквозь хор светил и шум вселенской брани
Всё слышит Бог — и всё приемлет Бог!
Но от земли, в которую мой род
Ушел и из которой вновь взойдет,
Достались мне и лоб ширококостный,
И трезвость трапезы великопостной,
И Спаса светлого нерукотворный лик,
И Православной истины язык.

Сад снов

Михаилу Броннеру

Вот скрипочка свою
босую тянет нить,
за ручку держит
деревце нагое...
И коротко — шагнуть,
и боязно — ступить
на ткань сквозящую
нетвердою ногою.

В ветвях запуталась
медяница-змея
и каплет оловом
в оранжевые клювы:
гудёт зеленый шум
в оркестре бытия,
под рампой на ветру
колдуют стеклодувы.

★ ★ ★

Ширвани Чалаеву

На грани вдохновенья и рассудка —
В междоусобье угля и огня —
Становится серебряно и жутко,
И черный ливень льется сквозь меня.

И дерево, и камень, и заката
Кровавое спадает полотно...
Певец, взгляни: твоя трава не смята,
Твое не распечатано вино...

Не найдены ключи к твоим подвалам,
И женщина не названа твоя...
Аллах акбар! Под рыцарским забралом
Струится смерть, как лунная змея.

Душа от цитадели откололась —
И унеслась потоками со скал...
О если б мог мой обреченный голос
Вернуть долги, которых ты взыскал!!!

Но песнь растет — так пламенно и долго —
Так льнет переплетаться с нитью нить,
Что нет на свете долга, кроме долга —
Отдать, озвучить и соединить...

Койсу

Миясат Муслимовой

Так реки Лакии — текут или поют —
В пульсирующем каменном свеченье,
И шепоты садов — затишье и уют —
И блеянье отар — по склонам там и тут —
Протяжные слова их стройного реченья...

Застенок или путь — теснины этих гор?
Под взорами орлов ты извилась тесьмою,
Как будто впереди предсказанный простор,
Не ведомый твоим излукам до сих пор,
Сулит проклятие или грозит тюрьмою,

И голос твой дрожит — вселенский плач и стон
Тебя преследуют предчувствием тяжелым,
Что на тебя с высот кренится царский трон,

Вот-вот низринется обвал со всех сторон,
И смертоносный сель прокатится по селам...

Ты прячешься в камнях, ты замедляешь ход,
Ты сводишь берега, как раненые плечи,
И зимняя тоска тебе на грудь кладет
Неотвратимый снег и неделимый лед,
И еле слышатся тогда речные речи.

Но сон твой короток... ведь рекам не до сна,
Когда живая кровь толкается в истоках...
Минуют холода, и новая весна
До самого тебя распеленает дна,
И ты воспрянешь — дело только в сроках!

* * *

То ли там колодезь, то ли банечка...
Ржавое ведерко на цепи...
Только не жалей Кощея, Ванечка...
Собственного счастья не проспи!
Это всё твои причуды русские —
Жля да Карна в сущности вещей...
А Кощеи — сроду долгорукие!
Что ни долгорукий — то Кощей...
Не гляди на эти зенки впалые
И не слушай стоны да мольбы...
Видишь, милый, лапы шестипалые?
Слышишь рев отравленной толпы?
Укроти сердечное стеснение,
А не то — не избежать беды...
Даже за посмертное спасение
Не давай проклятому воды!

Вагнер

Проворный ворон Одина, и кондор
Империи — пунктир военных карт...
Мы — избраны. Мы замыкаем контур.
Неистовый расстрельный авангард —
В предательски сгущающемся мраке —
Мы снова отделяемся от тьмы,
Нейтрино замороженной атаки,
Спрессованные нервы и умы...

Вы слышите? Под гнетом сект и гильдий,
Стреноживших Адама вечный бег,
Все так же Зигфрид предает Брунгильду,
Довольный Зигфрид предает Брунгильду,
Позорно — Зигфрид предает Брунгильду —
И мутный Рейн течет из века в век,
Всё тот же прах над омутом колебля...
Кто б ни был ты — хоть на дуде игрец,
Хоть жнец, серпом касающийся стебля,
Хоть хитрый жрец, хоть нации отец,
Хоть генерал — а вытянут по струнке,
И чем бы ни был тяжек твой карман —
Тебя завербовали Нибелунги:
Вдохнешь — сиянье, выдохнешь — туман,
Чумное эхо паперти и глянца...
А солнце — вспять... и некуда свернуть...
И рваный флаг Летучего Голландца
Перед тобою распрямляет путь.

Евгению Минину

1.
Горюч терновник, да неопалим.
Таков удел — вопить среди пустыни,
Пока Небесный Иерусалим
Не восстановит падшие святыни.
Над мотовством болезней и обид
Неистовствуют вихри Палестины:
Ковчег в песках воинственных сокрыт,
И мертвецы наследуют руины...
Но стоны камня будоражат кровь
Возлюбленных и проклятых Синая,
Которым Книга обещает кров,
Бессчетно всё круша и начиная...

2.
«От наших глаз неотдалима
Холмистость Иерусалима
И огнедышащая синь» —
Тоска славянская, как птица,
К истоку тайному стремится,
Презрев покой родных осин.

Там, за излукой горизонта,
Под гнетом грозового фронта,
Под страхом взрывов и границ —

Необходимый, горький, кровный,
Сомнительный и безусловный
Предел художников и птиц.

Не для того ли — пестрый, круглый —
Кудрявой от роду и смуглой,
Мне развернулся мир земной
Неотвратимо, неделимо
Листвою Иерусалима,
Неопалимой купиной?

★ ★ ★

Во глубине сибирских руд...

А.П.

Во глубине нерукотворных гротов
И на песке, где властвует волна,
Назло вранью пророков и сексотов
Я находила эти письмена.
Там что-то трепетало и кололось
Бессмысленным предчувствием беды...
Не твой ли разветвляющийся голос
Так оставляет для меня следы?
Пока еще зову, уже не веря
В необходимость подвигов и проб,
Чутье необразованного зверя
Меня влечет по углям звездных троп...
Сквозь бурелом — когтями и клыками.
Сквозь подлый стыд и непроглядный смог
Я все еще иду. И хлеб мой — камень,
И сто чугунных стоптано сапог,
Но как ни оглянусь — не схватишь глазом
Прошедшее... всё шире мертвый круг...
И сердце отрекается, и разум!
О если бы не этот слабый звук!
Упала бы я в землю — прахом черным,
Блаженным, жирным, кровным, жизнетворным...
Взойди, трава! Распространись, весна!
И пусть бы небеса ласкали глину —
Воистину — блаженну и едину...
Но — этот след!!!
Но — эти письмена!!!

Исе Айтукаеву

1.
Под зеленым флагом бескрайней ночи
В этот час, как прежде, из года в год —
Над тобою скачут звездные нохчи,
Собирая в круг свой бессмертный род...
По кому-то все еще плачет плаха,
А кому-то — камень, цветы и мед...
Но у каждого в сердце — Слова Аллаха:
Кто слыхал — прощен; кто простил — поймет...
Так нисходит в мир вопрос безответный —
Вместе с тем, что ищет нас впереди:
Отчего в крови виноград запретный
И любовь чужая в твоей груди?
Видишь — наголо их черепа обриты
И доспех воинственный на плечах?
На тебя — сквозь сон твой — глядят мюриды
С нестерпимой истиною в очах!
С точки зренья вечности — зло и косно,
Но когда затихнет в ночи борьба,
Ты, проснувшись, смотришь в окно, как в космос,
Отирая пот с ледяного лба.

2.
В ночи печать какой печали носим,
Не в силах бросить прошлому вчера?
Забудусь в пять — а просыпаюсь в восемь,
Как будто бы пахала до утра...

Все возгласы, проклятия и слезы,
Все корчи зла, любой, кто в нем зачах,
Пожары, наводнения, морозы —
Всё на моих измученных плечах,

И не открыть мне глаз — под слоем пепла,
Горячего и тяжкого, как ртуть,
В трудах ночных душа, как вол, ослепла,
Как будто больше не на что взглянуть...

Но поднимаешь каменные веки
И преодолеваешь боль и тлен —
Усилием не жалкого калеки,
А Гулливера, вставшего с колен.

Один лишь вдох глубокий, взгляд — широкий.
Один лишь звук — пусть даже птичий писк —
И вновь идешь долги верстать и сроки,
Дразня химер и умножая риск.

Сердце Чечни

Из темных лет и беспросветных зим,
Из мглы с ее печальными дарами
Зовет больную душу муэдзин —
К Всевышнему припасть в небесном храме.

Как лунный луч, не видимый глазам,
Но каждого касающийся уха,
Струится пробуждающий азан
В сосуд греха, где тленье и разруха...

И вот не потому, что страшен суд,
А лишь навстречу звукам безупречным —
Серебряною чашею сосуд
Становится на пиршестве предвечном...

В нем свет и тень — живая благодать,
Источник вдохновения поэтов,
Которому завещано сиять
Цветком зари под стражей минаретов...

Вселенная под куполом Твоим:
Великое и малое едины,
Открыто сердце — и неодолим
Рассветный трепет Мекки и Медины...

Сердечный ритм загадочной Чечни —
В земном пути к неведомому дому —
Тоску познания соедини
С тоской Творца по разуму иному!